

УДК 903.902.64(476)«632»

Е. Г. КАЛЕЧИЦ¹ А. В. КОЛОСОВ²

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БЕЛАРУСИ (БЕРДЫЖ И ЮРОВИЧИ): ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

¹Институт истории НАН Беларуси²Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(Поступила в редакцию 01.08.2017)

Комплексное изучение коллекционных и архивных материалов по позднепалеолитическим стоянкам Бердыж и Юровичи позволяет концептуально обосновать историческое место памятников в позднем палеолите Восточной Европы, установить региональные особенности стоянок в рамках среднеднепровской этнокультурной общности охотников на мамонта. На основе анализа данных по геологии, геоморфологии, гляциологии, палеогеографии стоянок Бердыж и Юровичи, их корреляции с результатами археологических исследований рассмотрена топография памятников, реконструирован облик палеоландшафтов, определена их роль в стратегии освоения человеком территории Верхнего Поднепровья. Изучение палеогеографических и археологических материалов по стоянкам Бердыж и Юровичи дало возможность охарактеризовать среду обитания человека, установить степень ее влияния на материальную культуру населения позднего палеолита, детализировать функциональный статус и хронологические рамки памятников. Полученные результаты являются основой для разработки вопросов генезиса, хронологии и культурного содержания локальных вариантов граветта и эпиграветта позднего палеолита на территории Верхнего Поднепровья.

Введение. Территория Верхнего Поднепровья, охватывающая юго-восточную область Беларуси и юго-запад Европейской части России, в позднем палеолите была включена в обширную провинцию обитания культуры охотников на мамонта. Памятники, оставленные группами этих охотников, объединены в рамках понятия «среднеднепровская этнокультурная общность». В изучении данной общности всемирно известные стоянки Бердыж и Юровичи (рис. 1) занимают центральное место и являются опорными в решении фундаментальных задач позднего палеолита всей Восточной Европы. Итогом многолетнего исследования этих памятников стало получение большого массива археологических, палеонтологических и естественнонаучных данных, накоплен богатый архив полевой документации.

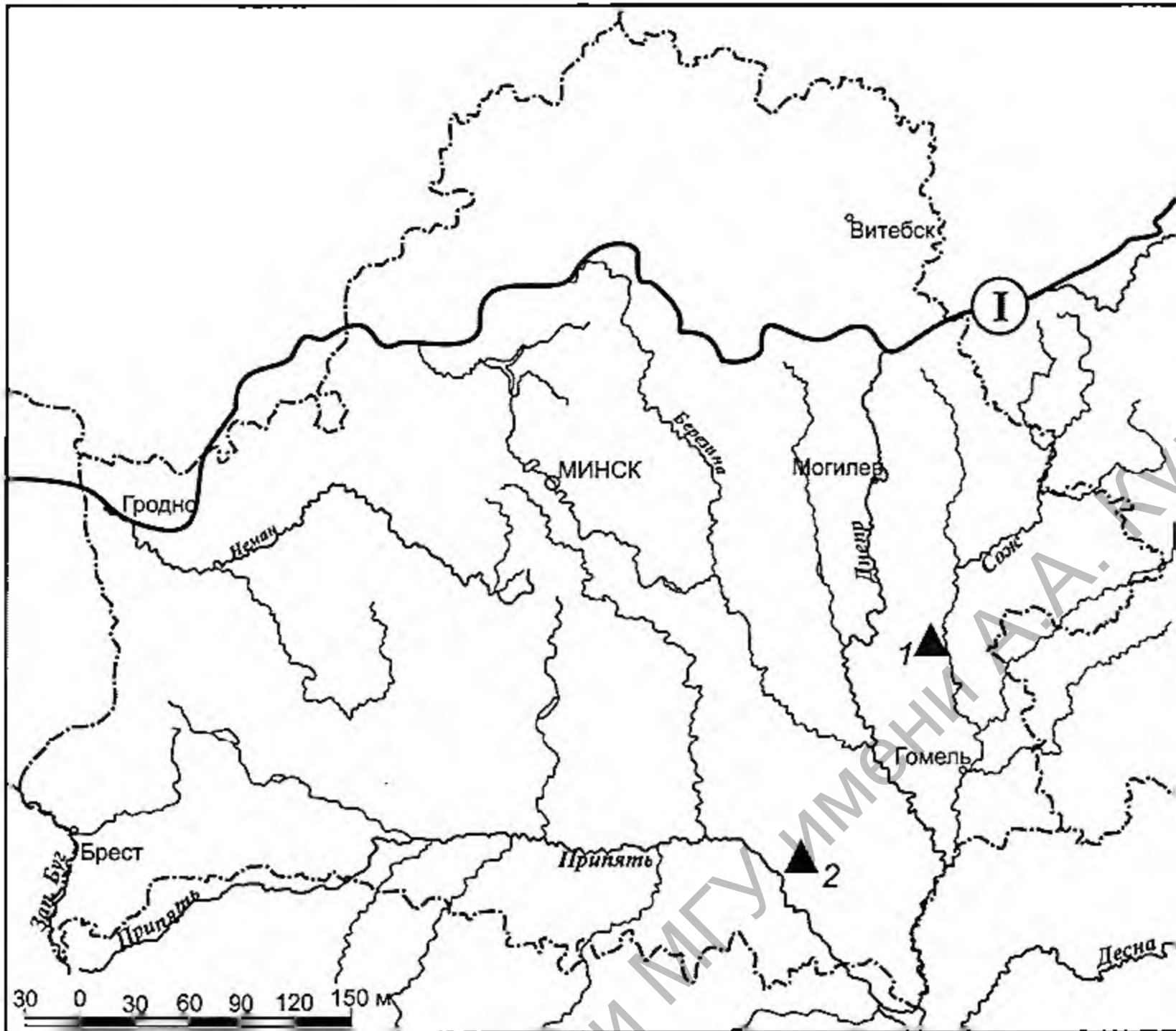

Рис. 1. Карта памятников позднего палеолита на территории Беларуси:
1 – Бердыж (Подлужье); 2 – Юровичи; I – граница поозерского оледенения

Однако коллекционные материалы стоянок, полученные в процессе археологических исследований как со стороны отечественных исследователей (К. М. Поликарпович, В. Д. Будько, Е. Г. Калечиц, В. П. Ксензов и др.), так и российских коллег (С. Н. Замятнин, Г. А. Хлопачев и др.) оказались разрозненными по многочисленным музейным и научным собраниям в Беларуси и России. В частности, коллекция стоянки Бердыж одновременно хранится в фондах Института истории Национальной академии наук Беларуси (далее – ИИ НАНБ) и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (далее – МАЭ РАН). Коллекционные сборы стоянки Юровичи находятся в фондохранилище ИИ НАНБ и краеведческом музее Бобруйского района Могилевской области. Аналогичная ситуация сложилась и для архивных материалов: часть полевой документации хранится в Фонде археологической научной документации Центрального научного архива НАН Беларуси (далее – ФАНД ЦНА НАНБ), часть – в архивах и фондах музеев Российской Федерации.

Также следует отметить, что результаты исследований памятников опубликованы не в полном объеме и в некоторых случаях носят предварительный характер. Отдельного изучения требовали архивные источники, в первую очередь, дневники полевых экспедиций межвоенного времени. Большая часть архивных документов до настоящего времени так и не введена в научный оборот. В области

дискуссий оказались вопросы генезиса, культурной принадлежности и временных рамок стоянок, что стало серьезным препятствием для объективной оценки культурной и хронологической атрибуции стоянок Бердыж и Юровичи, характера их пространственной организации, определения места памятников в позднем палеолите Восточной Европы. Решение этих вопросов требовало полноценного комплексного анализа имеющихся в распоряжении авторов материалов, осуществить которое оказалось возможным при условии объединения усилий белорусской и российской групп исследователей в рамках совместного гранта БРФФИ–РГНФ «Позднепалеолитические памятники белорусско-российского порубежья (Бердыж, Елисеевичи 1, Юровичи)».

В рамках проекта было предусмотрено комплексное исследование коллекционных и архивных материалов позднепалеолитических стоянок Бердыж и Юровичи, выделение специфики каменного и костяного инвентаря памятников в развитии локальных вариантов граветта и эпиграветта на территории Верхнего Поднепровья, определение абсолютного и относительного возраста древних поселений, их исторического места в позднем палеолите Восточной Европы и среднеднепровской этнокультурной общности охотников на мамонта, в частности.

Были запланированы: 1) источниковедческий анализ архивной документации о результатах полевых исследований памятников; 2) сравнительный техникоморфологический анализ каменной и костяной индустрии стоянок, установление основных критериев, отражающих общее и особенное в развитии локальных вариантов граветта и эпиграветта на территории Верхнего Поднепровья; 3) типолого-сравнительный анализ структур пространственной организации древних поселений, определение степени длительности и сезонности обитания позднепалеолитических памятников Верхнего Поднепровья; 4) определение абсолютного и относительного возраста памятников с использованием традиционных методов датировки (радиоуглеродный, палеонтологический) и нового метода геохимической индикации климатических изменений; 5) выяснение вопроса о генезисе и культурной принадлежности стоянок, их положения в структуре среднеднепровской этнокультурной общности позднего палеолита Восточной Европы; 6) корреляция результатов археологических, палеонтологических, археозоологических и естественнонаучных исследований стоянок Бердыж и Юровичи, введение в научный оборот полученных данных.

Основная часть. Сведения о памятниках позднего палеолита на территории Беларуси, история изучения стоянок Бердыж и Юровичи впервые были обобщены в монографии Е. Г. Калечиц [1]. При подготовке этой книги к печати и в последующие годы был проведен поиск материалов межвоенных лет во многих фондохранилищах и архивах страны, но все усилия были напрасны. Ни планов раскопов, ни профилей, ни коллекционных описей артефактов из раскопов тех лет нигде не было. Исчезли также дневники К. М. Поликарповича и Л. Н. Вознячука. Книга

опиралась лишь на собственные наблюдения автора, редкие заметки и статьи, опубликованные в печати тех лет.

Второе дыхание в изучении стоянок Бердыж и Юровичи открылось внезапно и послужило побудительным мотивом для создания нового историографического обзора источников по исследованию этого памятника. Оказалось, что в МАЭ РАН хранятся материалы разведок 1927 г., в том числе и у д. Подлужье на стоянке Бердыж, а в Минске находится часть материалов из раскопок стоянок Юровичи, Елисеевичи и Юдиново (работы К. М. Поликарповича и В. Д. Будько). Среди архивных документов, хранящихся в ФАНД ЦНА НАНБ, были найдены дневники, написанные К. М. Поликарповичем в те далекие годы. Они попали к нам вместе с другими материалами, которые после смерти В. Д. Будько были переданы в ИИ НАНБ, за что мы искренне благодарны дочери покойного.

В 2006 г. брянский археолог А. А. Чубур сделал сенсационное заявление, заявив через сеть Интернет о наличии у него дневниковых записей К. М. Поликарповича, найденных на чердаке дома, где жила супруга ученого – Мария Климентьевна [2]. На основании этих документов он написал рукопись книги «Очарованный древностью. Константин Михайлович Поликарпович: Жизнь, открытия, ученики». Электронный вариант книги можно найти в библиотеке портала «Археология России» [2]. Печатный и сокращенный вариант рукописи с дополнениями и уточнениями вышел в 2009 г. в издательстве «Белорусская наука» (Минск) [3].

Однако в электронной версии книги (2006) отсутствовало повествование о событиях тридцатых годов прошлого столетия, а самое главное – планы, фотографии, какие-либо подробности об открытых в те годы Бердыжской и Юровичской стоянках. Несмотря на тщательные поиски, такая документация отсутствовала не только в архивах Беларуси, но и России, что оставляло много неясностей для интерпретации конструкций из костей, выявленных на этих памятниках. В найденных документах, несмотря на их очень плохую сохранность, содержится обширная информация о раскопках на Бердыжской стоянке. Что же касается Юровичей, то история открытия этого памятника, как и его изучения в межвоенные годы, весьма туманна. При этом даже небольшие заметки, найденные нами, позволяют усомниться в последующих выводах В. Д. Будько, содержащихся в его публикациях об этом памятнике [4].

Разобраться с этим вопросом пытался В. Ф. Исаенко, который опубликовал статью под названием «К истории изучения Юровичской стоянки» в 1999 г. [5]. Памятник находится на окраине д. Юровичи Калинковичского района Гомельской области и стал хорошо известен благодаря датировкам, полученным в лаборатории ЛГУ [6] (ЛГУ-12) – 26470 ± 420 BP, и позднее, в 2009 г., в лаборатории Гронингенского университета (GrA-38919 Yurovichi 25660 (+160; -150 BP)). Открытие этого памятника среди восьмисот других, ставших известными благодаря работам, организованным сотрудниками Археологической комиссии, созданной при Инбелкульте, членом которой был и К. М. Поликарпович, Юровичская стоянка стала одним из важнейших объектов.

Одним из основных направлений нашей работы стал сбор данных по геологии, геоморфологии, гляциологии, палеогеографии стоянок Бердыж и Юровичи, что позволило рассмотреть особенности топографии этих памятников, воссоздать облик ландшафтов в древности, определить их роль в стратегии освоения человеком территории Верхнего Поднепровья и конкретно самих стоянок.

В частности, геолого-стратиграфические наблюдения [1; 7], проведенные на основании изучения отложений стоянок Бердыж и Юровичи, позволили установить единство культурного слоя для этих памятников, характер вмещающих отложений, несомненную переотложенность культурных остатков, приуроченных к разным гипсометрическим уровням.

Культурный слой Бердыжской стоянки благодаря залеганию в толще хорошо выраженной серо-зеленой супеси солифлюкционного характера легко вычленяется в разрезе. Культурные остатки представлены здесь в основном костным материалом различной сохранности. Меняясь по мощности, как по вертикали, так и по горизонтали (от 0,1 до 3,5 м), костеносный слой достигает максимальной мощности лишь в зоне довольно узкого понижения (талъвега древнего оврага), существовавшего до начала солифлюкционных процессов.

Площадь распространения солифлюкционной толщи на юго-восточном склоне равна примерно 500 м². По-видимому, эта цифра близка к реальной площади поселения, существовавшего на мысу и оползшего по склону вниз. Значительное скопление костей (очевидно, более 2000 ед.), в том числе нескольких целых – черепа, бивни, челюсти, ребра и другие кости мамонта – определенным образом свидетельствуют о наличии здесь жилых построек. Но существовали они до развития солифлюкционных процессов, а сама стоянка размещалась выше по склону, т. е. южнее. Последующая деструкция отложений оставила нам, к сожалению, лишь деформированные остатки поселения.

Реконструкция палеогеографической обстановки времени накопления аллювия II надпойменной террасы, с отложениями которой связаны остатки стоянки Бердыж, выполнена по детально изученному разрезу Красная Горка – обнажению крутого левого берега Днепра в Рогачевском районе. Оно находится в вершине большого меандра реки в 3,5 км к юго-востоку от д. Зборов. Между Бердыжем и Красной Горкой расстояние по прямой около 65 км, оба местонахождения находятся на пограничье между Гомельским Полесьем и равнинами Предполесья (Чечерской и Центрально-Березинской), оба в зоне припятского оледенения.

В строении террасового уровня высотой 12–15 м в толще аллювия выявлены старичные отложения, состоящие из гиттии и торфа. Они подстилаются гумусированными песками, песчанистыми алевритами и супесью. В этих отложениях обнаружены плоды и семена растений, в большинстве обитающих на территории Беларуси в настоящее время, но в обедненном видовом составе. Присутствие среди определенных Ф. Ю. Величкевичем [8] аркто-бореальных видов плаунка плауновидного, ежеголовника северного, толокнянки, карликовой березки в сочетании с лебедовыми и сосной обыкновенной указывают на отсутствующие ныне

в растительности Европы ландшафты, соответствующие обстановкам ледникового периода и описываемые как перигляциальная тундро-лесостепь.

Палинологические исследования отложений (спорово-пыльцевая диаграмма получена Н. А. Махнач [9]) позволяют заключить, что во время образования старичных отложений в междуречье Днепра и Сожа произрастали, по-видимому, разреженные березовые и сосновые леса с примесью серой ольхи. Были распространены разнотравные сообщества «степного типа» из полыней, лебедовых, злаков, которые занимали суходолы и сухие склоны долин. Такой тип растительности мог произрастать во время потепления в эпоху последнего оледенения. Л. Н. Вознячук это улучшение климата назвал «красногорским интерстадиалом» (валдайским мегаинтерстадиалом), сопоставимым с выделенным в 1970-е годы некоторыми исследователями межледниковьем второй половины новой эпохи антропогена [10].

Однако многочисленные криогенные нарушения в толще отложений террасы, в том числе и в старичных отложениях, свидетельствуют о суровых климатических условиях в то время. Анализ флоры показывает, что во время наибольшего потепления средняя температура июля в районе Красной Горки составляла 12–13 °С, т. е. была на 4–5 °С ниже современной и климат отличался от современного большей суровостью и континентальностью.

Определение останков животных Бердыжской стоянки, выполненное в разные годы палеонтологами В. И. Громовым [11; 12], В. В. Щегловой [13], В. Зубаревым, П. Ф. Калиновским [1], а также К. М. Поликарповичем [14], свидетельствуют о том, что в палеозооценозах были представители разных природных зон, что также характеризует своеобразие перигляциальной экосистемы. Большинство костных остатков принадлежит мамонту (не менее 1800). Останки других животных представлены, как правило, единичными экземплярами. Это шерстистый носорог, бобр, заяц-беляк, северный и благородный олень, косуля, первобытный зубр, лошадь, медведь, волк, песец, лисица, мелкие грызуны (не все синхронны основному комплексу), филин. Получается, что в позднепалеолитическом фаунистическом комплексе Бердыжа присутствуют представители тундры, лесной зоны, степей и вымершие виды – мамонт и шерстистый носорог.

Культурный слой Бердыжской стоянки относится к начальным фазам двинской стадии и имеет возраст 23–24 тыс. л. н., как показывают результаты радиоуглеродной датировки. Как согласуются с этой датой археологические материалы? На основе сравнительного технико-морфологического анализа коллекционных материалов стоянки Бердыж был установлен характер техники первичной и вторичной обработки, выделены общие черты и руководящие формы кремневого инвентаря (рис. 2), определена источниковедческая состоятельность используемых материалов.

Памятник приурочен к местам поверхностного распространения меловых пород с богатыми запасами кремня как в россыпях на поверхности, так и в коренном залегании. Следовательно, недостатка в сырье население стоянки Бердыж не

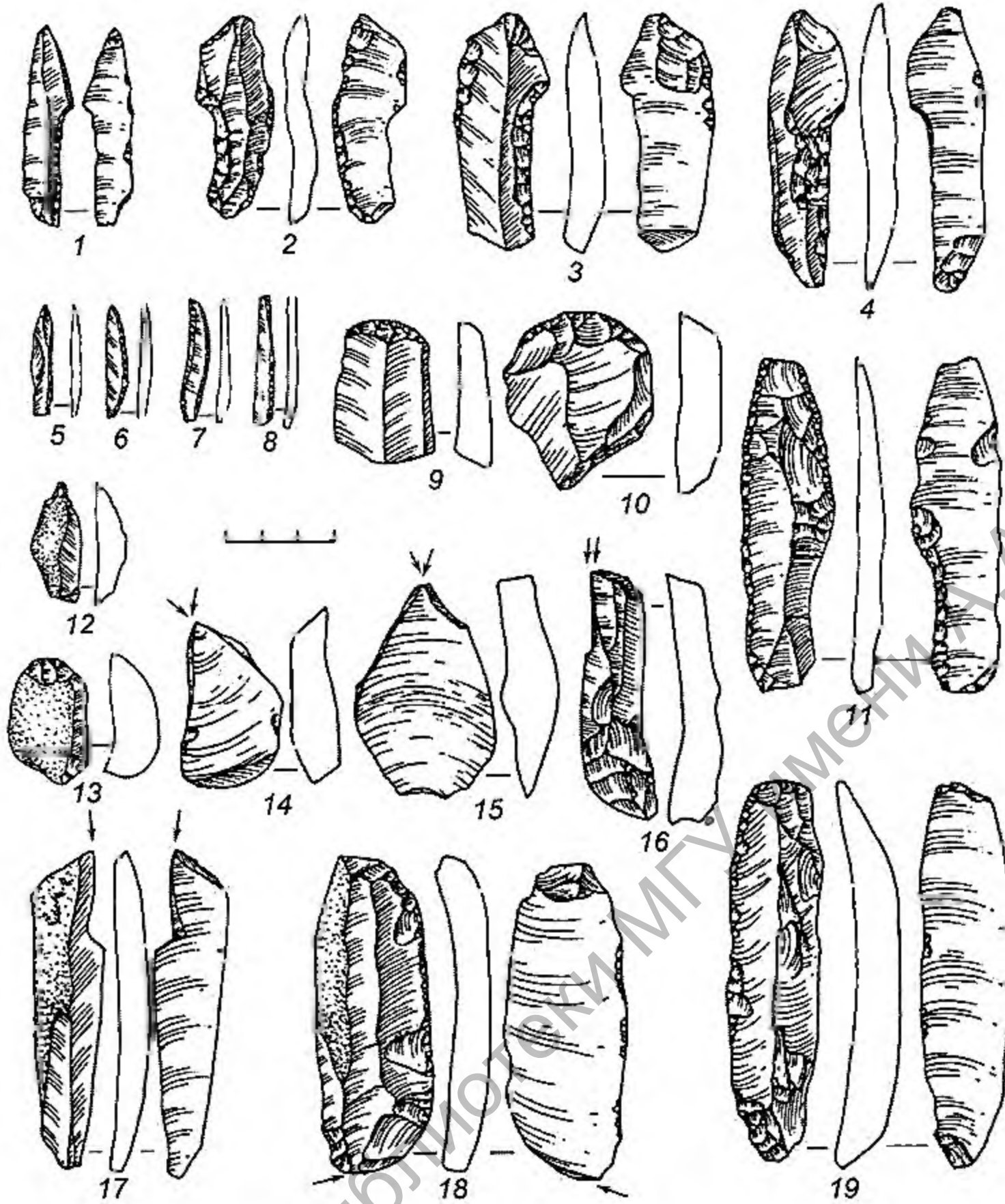

Рис. 2. Бердыж. Кремневый инвентарь стоянки (сводная таблица): 1–4 – наконечники с боковой выемкой; 5–7 – острия типа граветт; 8 – микропластина с затупленным ретушью краем; 9; 10 – скребки; 11, 18, 19 – пластины с усеченными концами (ножи); 12 – проколка; 13 – скребок; 14–17 – резцы (по материалам раскопок Е. Г. Калечиц)

испытывало, в связи с чем кремневый инвентарь памятника характеризуется наличием многочисленных желваков кремня, на поверхности которых сохраняются негативы двух-трех бессистемно нанесенных сколов, большим количеством отходов производства (до 80 %). Учитывая условия залегания культурных отложений, основная часть изделий из кремня покрыта патиной белого цвета и окатана.

Как свидетельствуют результаты технико-морфологического анализа, начальным этапом в процессе расщепления кремня на стоянке Бердыж являлось создание пренуклеуса, которое сводилось к формированию ударной площадки поперечным усечением кремневой конкреции и подготовки зоны скалывания путем выделения ребра поперечными сколами. Для пренуклеуса преимущественно подбирались уплощенные желваки овальной формы (в коллекции насчитывается 21 ед.), размеры которых в среднем достигали 60–70 мм в длину, 30–50 мм в ширину и 40–50 мм в толщину.

С созданной ударной площадки и специально сформированного ребра делался первый продольный скол, который формировал плоскость расщепления и давал возможность провести новые снятия. Изучение скалывающей плоскости нуклеусов (28 ед.), рельефа пластинчатых ребристых снятий (22 ед.) показывает, что ребро формировалось в большинстве случаев с одной стороны конкреции. Это был типичный технологический прием, который направлен на формирование зоны будущей плоскости расщепления с одной, иногда с двух сторон, и позволял, таким образом, произвести снятие заготовки. Кроме того, он давал возможность предварительно выровнять скалывающую поверхность и поддерживать ее в процессе расщепления.

Техника расщепления была основана на принципе параллельного снятия заготовок с одной скалывающей поверхности, которая постепенно переходила на боковые стороны нуклеуса. При этом основная часть ядрищ оставлена на стадии расщепления, по мере появления в процессе эксплуатации естественного (различного рода включения, образовавшие в теле сырья пустоты, каверны) или технического брака (появляющиеся во время скалывания заломы). Среди нуклеусов преобладают одноплощадочные ядрища (16 ед.), при незначительном количестве двухплощадочных (9 ед.) и аморфных (3 ед.) экземпляров.

Однако несмотря на такое типологическое разнообразие нуклеусов, идея монофронтального скалывания заготовок на стоянке Бердыж является доминирующей. С плоскости расщепления нуклеусов возможно было произвести до трех-четырёх сколов. Контрфронт некоторых нуклеусов мог быть не оформлен и часто сохраняет желвачную корку.

Ударные площадки нуклеусов преимущественно имеют гладкую поверхность. Угол скалывания заготовок варьировал в пределах $55-90^\circ$, в среднем – $80-85^\circ$. В процессе скалывания заготовок для «поднятия» скалывающего фронта ударные площадки могли подправляться, о чем свидетельствуют сколы оживления площадок (4 ед.). По кромке ударной площадки наблюдается стремление ее редуцировать на отдельных участках путем нанесения серии многократных ударов. На некоторых экземплярах следов выравнивания кромки ударной площадки не наблюдается и она выступает над плоскостью расщепления.

Для кремневой индустрии стоянки Бердыж характерно использование техники твердого удара, о чем свидетельствуют находка кремневого отбойника и морфология сколов. На проксимальных концах сколов сохраняется выразительный ударный бугорок и рудименты широкой, гладкой поверхности ударной площадки. На основной части поверхности пластин и отщепов заметна рельефность ударной волны. Следы предварительного редуцирования кромки ударной площадки отсутствуют.

Базовыми заготовками для орудий труда являлись отщепы и пластины неправильной огранки. Отщепы (218 ед.) характеризуются короткими и широкими формами. Отдельные из них сохраняют по краю ретушь, в том числе полученную

в процессе утилизации изделий. Индекс массивности пластин (194 ед.) соответствует длинным, узким и толстым сколам. В целом, преобладают сколы, индекс массивности которых соответствует индустрии макролитического облика. Примерно 60 % отщепов и 80 % пластин имеют длину в пределах 3–5 и более сантиметров. Заготовки таких размеров использовались в производстве орудий.

Поверхность спинки 28 % отщепов сохраняет желвачную корку, на пластинах меловая корка присутствует на единичных экземплярах. Небольшое число изделий с меловой коркой свидетельствует, что нуклеусы были принесены на стоянку в виде полуфабрикатов, подготовленных на стороне. Возможно вне стоянки, на месте выходов сырья, могла вестись первичная апробация кремня и его подготовка для дальнейшей эксплуатации уже на самом поселении.

Во вторичной обработке населением стоянки Бердыж широко использовались: крутое и полукрутое ретуширование заготовок, направленное на изменение ее формы, техника резцового скола. Орудий на стоянке собрано всего 110 ед. (рис. 2). Среди орудий труда в Бердыже доминирующее положение занимают резцы (26 ед.) (рис. 2: 14–17). Наиболее распространенным типом являются резцы на сломе пластин (12 ед.) и осколке кремня, двугранные (срединные и срединно-угловые) резцы – 10 ед. Небольшую группу представляют ретушные (боковые) резцы на сработанных нуклеусах (3 ед.) и пластине.

Второй по количеству группой находок являются концевые скребки (11 ед.) из отщепов и одной пластины (рис. 2: 9–10). Кремневый комплекс Бердыжской стоянки дополняется изделиями с выемкой (3 ед.), остриями (5 ед.) (рис. 2: 5–7), рубящими орудиями из сработанных нуклеусов и массивных отщепов (9 ед.), проколками и массивным сверлом, скребловидным орудием и пластиной со скошенным ретушью концом.

Несомненный интерес вызывают находки микропластин с затупленным краем (8 ед.), часть из которых может рассматриваться как иновозрастная примесь (рис. 2: 8). Культурный облик стоянки Бердыж определяют наконечники с боковой выемкой и ножи так называемого костенковского типа (рис. 2: 1–4, 11, 18–19). На памятнике известно 6 наконечников и 10 ножей. Они изготовлены из массивных пластин, длина которых в среднем равняется 5,5 см, ширина – 2,4 см. Эти изделия имеют характерную выемку в черешковой части, выделенную со стороны спинки (в одном случае – с брюшка) и вытянутую на половину или две трети длины орудия. Черешковая часть наконечников находится исключительно на проксимальном конце заготовки. Отличительной особенностью ножей костенковского типа является наличие на их концах специального усечения. На двух экземплярах сохранилась намечающаяся с одной стороны выемка, что сближает эти изделия с наконечниками. Некоторые изделия по периметру обработаны крутой (полукрутой) вентральной ретушью.

Таким образом, техника первичной обработки кремня, наличие в комплексе наконечников с боковой выемкой, ножей костенковского типа, на наш взгляд, сближают Бердыжскую стоянку с памятниками костенковско-авдеевской куль-

туры, достигшей в Центральной и Восточной Европе расцвета на последнем этапе развития позднепалеолитической эпохи.

Стоянка Юровичи находится на склоне левого коренного берега р. Припять в месте прорыва ею Мозырской конечно-моренной гряды. Культурный слой связан с отложениями погребенного оврага и вскрыт на отметках 18–24 м над уровнем поймы [15], которая имеет высоту 4–10 м, судя по геологическому профилю по пойме Припяти между г. Мозырем и д. Довляны [16, рис. 54].

Мозырская гряда является самой высокой частью рельефа Полесья (до 221 м). Формирование ее связано с аккумулятивной и напорной деятельностью ледника днепровской стадии припятского оледенения, образовавшего здесь конечно-моренный массив, т. е. эта возвышенность существует уже не менее 242 тыс. л. н. (соответствует по времени 8-й морской изотопной стадии).

Во время таяния последнего на территории Беларуси поозерского ледника (максимум распространения 24–17 тыс. л. н.) в пределах Полесья возникло Полесское озеро [17; 18]. По мнению В. Г. Пазинича [19, с. 108–111], воды этого озера достигали отметок 143 м, имели сток на запад в долину Западного Буга, а на востоке подпруживались Мозырской грядой. М. М. Цапенко отыскала следы прорыва вод этого озера в бассейн Днепра на Мозырской гряде около д. Юровичи. Белорусские исследователи считали, что прорыв произошел в конце последней ледниковой эпохи. В момент прорыва уровень водоема в пределах Мозырской гряды мог быть 140 м: на этой высоте встречаются озерные отложения [20]. Ширина долины прорыва в Юровичских воротах около 2,5 км.

Путем сопоставления геоморфологических и археологических материалов В. Ризниченко в 1932 г. определил, что прорыв мог произойти 12–8 тыс. л. н. [21, с. 35–36]. Дату 14–12 тыс. л. н. называет Л. Л. Зализняк [10, с. 9] после анализа материалов датированных финальнопалеолитических стоянок, в основном, свидерской культуры по берегам Припяти на месте локализации Полесского озера. Исследователь предполагает, что прорыв произошел во время раунисского потепления (по современным данным около 13 тыс. л. н.). Он убедительно показал, что уже 11 тыс. л. н. существовала долина Припяти в современных границах [10, с. 7–9].

Проведенный нами анализ данных радиоуглеродных датировок разрезов озерных отложений, исследованных палинологически в Западном Полесье в пределах предполагаемой территории, занятой Полесским озером, показал, что органические отложения в водоемах начали накапливаться с потеплением климата не позже, чем в аллереде, так как самая древняя некалиброванная дата ^{14}C для органических отложений оз. Песчаное около д. Одрижин Ивановского района составляет 11750 л. н. [22]. История органического осадконакопления в других озерах региона также начинается с аллереда, например, Олтушского, однако нижние слои гиттии древнего водоема на месте болота Иванисовка в Пинском районе имеют дату на границе позднего дриаса и белинга – 12800 л. н. [1, с. 24]. Эти материалы показывают, что спуск Полесского озера наиболее вероятен во время раунисского интерстадиального потепления.

В связи с вышеописанными палеогеографическими событиями требуется получить ответ на вопрос: юровичские охотники жили на берегу озера или в долине реки? Обе даты ^{14}C , полученные по костям животных со стоянки – 26470 ± 420 л. н. (ЛУ-125) и GrA-38919 Yurovichi 25660 (+160, –150) BP [23], показывают, что они населяли этот край до максимума поозерского оледенения Беларуси и, соответственно, до прорыва Мозырской гряды и спуска Полесского озера. Гипсометрический уровень в современном рельефе, на котором обнаружены следы их деятельности, составляет от 132 до 138 м (при современном урезе воды в Припяти 110 м). Если бы озеро тогда существовало, то это место было бы затоплено. Но озеро могло возникнуть лишь с началом дегляциации, не ранее 17000 л. н. Значит, обитатели Мозырской гряды, жившие здесь раньше, были связаны с другим водоемом.

Где была эта река, если еще не было долины прорыва у Юровичей? Мозырская гряда имела тогда иную форму и люди охотились на ее юго-восточной ветви. Изучая Пра-Припять в нижнем течении реки на Мозырско-Юровичско-Давлядовском отрезке, Г. И. Горецкий начинал ее плейстоценовую историю с венедского (беловежского) времени, прослеживая широкое распространение венедской и кривичских (александрійских, лихвинских) аллювиальных свит. Значит, река здесь существовала задолго до формирования Мозырской гряды. При этом ученый обратил внимание на необычно широкую погребенную долину Пра-Словечны [16, с. 166]. А где река была после возникновения гряды, в муравинском межледниковье и в безледное время до максимума последнего оледенения?

Опираясь на современную топографию, рисунок гидросети, палеогеографические и палеопотомологические реконструкции, возможно допустить, что муравинско-поозерская Припять могла обходить возвышенность и имела связь с Днепром, как это показывают на картах упомянутые исследователи. Но, принимая изложенную выше концепцию прорыва плотины-гряды в начале позднеледниковья, следует признать и высказанный В. Г. Пазиничем постулат, что Припять до образования Припятского озера могла течь на запад, была притоком Западного Буга и ее связь с Днепром восстановилась лишь после Полесской катастрофы [19].

Вероятнее всего, что юровичские охотники приходили к месту забоя животных со стороны неизвестного водоема, где могла быть их стоянка, оказавшаяся позже под водами позднепоозерского водоема, именуемого Полесским. Важным фактором, указывающим на малую вероятность устройства стоянки на высоком гипсометрическом уровне на склоне Мозырской гряды является также малая вероятность наличия здесь достаточного количества воды на дренированном оврагами склоне.

Однако что приводило мамонтов на эти высоты? Как их можно было загнать на кручу? Зачем они подымались по крутым склонам или приходили по пологому плато с запада? Что их манило? В свете новых открытий о потребностях мамонтов в минеральной добавке (Na, K, Ca, Mg и др.) к пище [24, с. 34] с большой вероятностью можно допустить, что среди отторженцев на гряде могли быть неогне-

новые глины с большей долей содержащего необходимые элементы монтмориллонита, мергели киевской свиты палеогена и даже отложения мела, которые вскрывались в оврагах, и удовлетворяли потребности мамонтов.

Корреляция палеогеографических и археологических данных, детальное изучение геологии, геоморфологии, литологии и стратиграфии Юровичей, палеонтологического материала позволили уточнить условия и механизм формирования культурного слоя Юровичского местонахождения, характер освоения человеком его территории в древности, видовой состав охотничьей фауны и статус самого памятника.

Новейшие исследования памятника позволяют рассматривать его не как стоянку, связанную с проживанием человека, а как *место забоя и разделки диких животных* – мамонта, лошади, быка, шерстистого носорога, северного оленя и песца. Значительная часть костных останков концентрируется в пределах скопления камней, принятых в свое время В. Д. Будько за остатки выкладки основания жилища, что не подтвердилось на современном этапе исследований памятника. Скопление валунов имеет естественное происхождение и никак не связано с остатками жилых конструкций на стоянке. Отдельные из них имеют очень крупные размеры.

Статус места забоя определяется и небольшим числом кремневых артефактов (всего 53 ед.), имеющих явно не поселенческий облик. В результате анализа коллекционных сборов было установлено, что типологический состав находок Юровичского местонахождения представлен следующими группами находок (рис. 3): 1) кремневый осколок (1 ед.); нуклеусы (2 ед.); 2) сколы с нуклеусов – отщепы и пластинчатые отщепы (19 ед.), пластины (16 ед.) (рис. 3: 11, 13–14); 3) изделия со вторичной обработкой (15 ед.); двойной скребок из широкой пластины (рис. 3: 16), проколка из пластины (рис. 3: 10), фрагмент регулярной пластины со скошенным ретушью концом, фрагмент массивной пластины со следами ретуши, остроконечник (клинок) на массивной пластине (рис. 3: 15), серия микропластин с притупленным краем и острия типа граветт (рис. 3: 1–9).

Кремневая индустрия стоянки Юровичи базировалась на использовании мелового кремня серого цвета. Техника расщепления была основана на принципе параллельного снятия заготовок с одной скалывающей поверхности, которая постепенно переходила на боковые стороны нуклеуса. В коллекции представлено всего два нуклеуса. Один призматический нуклеус двухплощадочной формы имеет контрфронт в виде ребра, выделенного с двух сторон (рис. 3: 17). Боковые плоскости подправлены поперечными сколами. Второй нуклеус сформирован на массивном отщепе. Основание подправлено крупными сколами. Снятие заготовок велось с одной плоскости.

Ударные площадки нуклеусов имеют гладкую поверхность. Угол скалывания заготовок варьирует в пределах 65–80°. По кромке ударной площадки наблюдаются попытки ее редуцирования, на отдельных участках заметна серия многократных ударов.

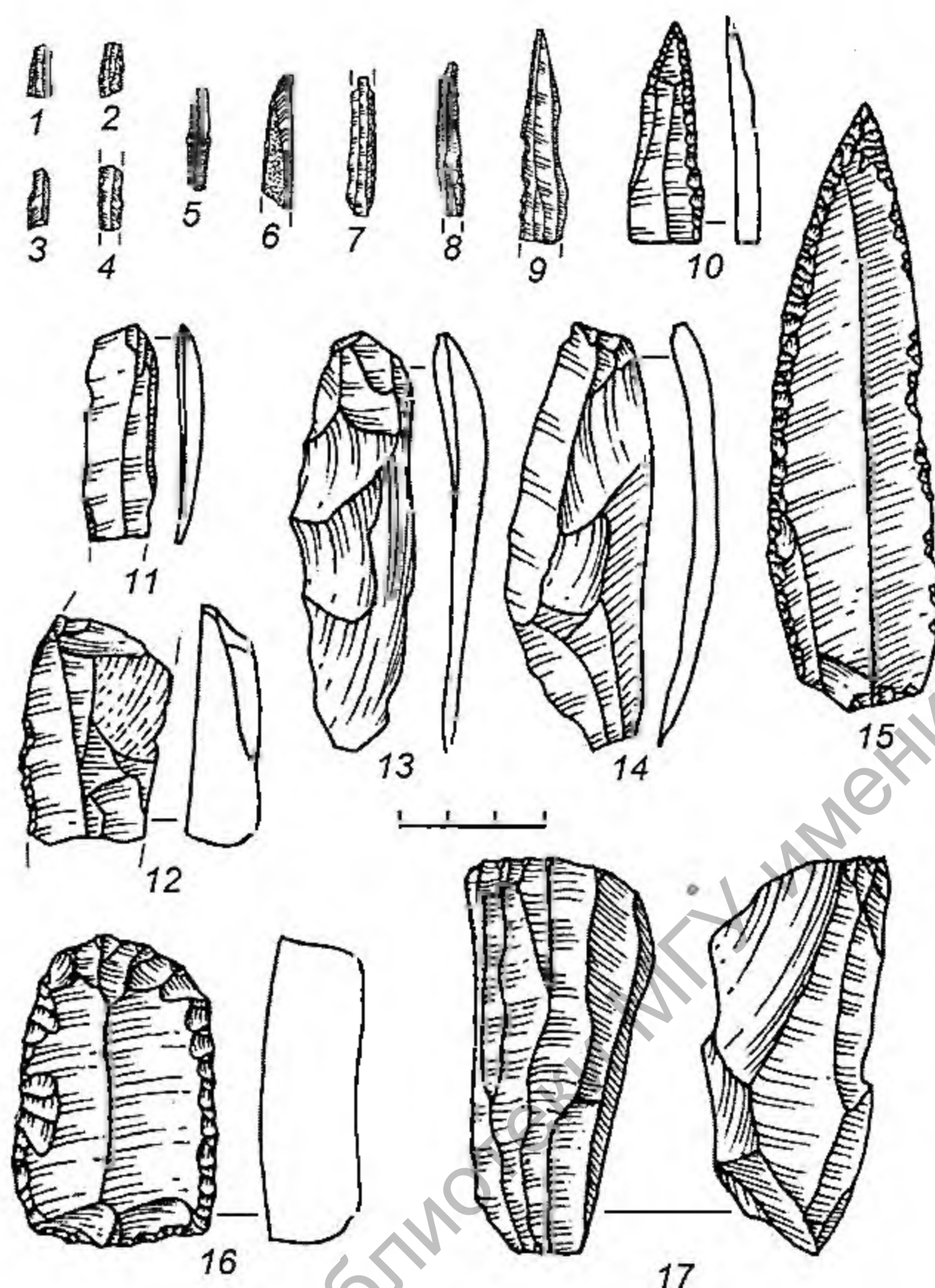

Рис. 3. Юровичи. Кремневый инвентарь стоянки (сводная таблица): 1–7 – микропластины с затупленным ретушью краем; 8–9 – острия типа граветт; 10 – проколка; 11, 13–14 – пластины; 12 – пластина с ретушью; 15 – остроконечник; 16 – скребок; 17 – нуклеус (по материалам К. М. Поликарповича, В. П. Ксензова, Е. Г. Калечиц)

Для кремневой индустрии стоянки Юровичи характерно использование техники твердого удара, о чем свидетельствует морфология сколов. На проксимальных концах сколов сохраняется выразительный ударный бугорок и рудименты широкой, гладкой поверхности ударной площадки. Следы предварительного редуцирования кромки ударной площадки прослеживаются слабо.

Базовыми заготовками для орудий труда являлись пластины и отщепы, однако, в целом, индустрию стоянки Юровичи можно характеризовать как пластинчатую. Отщепы характеризуются короткими и широкими формами. Отдельные из них сохраняют по краю ретушь, в том числе полученную в процессе утилизации изделий. Индекс массивности пластин соответствует длинным, узким и тонким сколам. Во вторичной обработке населением стоянки Юровичи широко использовались: крутое и полукрутое ретуширование заготовок, направленное на изменение ее формы (рис. 3: 1–16).

К сожалению, количественный состав полученной коллекции на стоянке Юровичи (более 50 ед.) не позволяет достоверно установить культурную принадлежность памятника. Очевидна связь находок с традициями «восточного граветта». На территории Восточной Европы памятники этого культурного явления датируются в пределах 24–15 тыс. л. н. Его характеризуют высокоразвитая пластинчатая техника, техника резцового скола, использование пластин и вкладышей с притупленным краем для производства составного охотничьего оружия.

Несомненный интерес по теме нашего исследования представляет коллекция находок, собранная ленинградским исследователем С. Н. Замятниным в 1927 г. во время разведок в окрестностях дд. Бердыж и Подлужье. Материалы работ хранятся в МАЭ РАН и были изучены авторами статьи благодаря сообщению участников гранта российской стороны. Согласно охранный описи коллекций МАЭ РАН, находки 1927 г., собранные у д. Бердыж, были переданы сюда в 1934 г. (время регистрации – 22.05.1935, регистратор – В. Н. Лев). Коллекции присвоен № 5205. Общее число предметов составляет 2621 ед., в том числе 2613 изделий из кремня и 8 фрагментов керамики эпохи неолита – бронзового века.

Судя по описи и сохранившимся шифрам, находки были собраны в шести пунктах. По месту произведенных сборов коллекциям присвоены соответствующие названия: 1) «Бердыж, Каковня»; 2) «Бердыж, близ села» (рис. 4: 1–7); 3) «Бердыж, близ курганов»; 4) «Бердыж, близ с. Подлужного»; 5) «Бердыж, урочище Колодежки (над стоянкой)» (рис. 4: 8–11); 6) «Бердыж, городовка». Локализовать точное местонахождение пунктов сбора находок «Бердыж, близ села», «Бердыж, близ курганов», «Бердыж, близ с. Подлужного» и «Бердыж, городовка» не представляется возможным. Не исключено, что все эти пункты могли быть известны К. М. Поликарповичу. Еще в 1928 г. исследователь отмечал, что находки обработанного кремня и керамики им были встречены во время разведок 1926 и 1927 гг. не только в самой д. Бердыж, но и южнее этого населенного пункта по направлению к д. Подлужье [25, с. 155–156]. Отдельные местонахождения К. М. Поликарпович обнаружил у д. Подлужье, непосредственно возле урочища Колодежки, где находится стоянка Бердыж [25, с. 155–156].

Коллекционные сборы, полученные С. Н. Замятниным в 1927 г. в окрестностях дд. Бердыж и Подлужье, содержат разновременные материалы: от позднего и финального палеолита до бронзового века включительно. Подробно останавливаться на характеристике находок каждого пункта мы не будем – это тема отдельной публикации. Обратим только отдельное внимание на подъемный материал из пункта «Бердыж, урочище Колодежки (над стоянкой)» (рис. 4: 8–11). Очевидно, сбор находок осуществлялся непосредственно возле Бердыжской стоянки, о чем свидетельствует палеолитический облик артефактов. Коллекцию характеризуют 650 находок из кремня. Среди них: конкреция, осколки кремня (6 ед.), обломок нуклеуса, отщепы (585 ед.), пластины (52 ед.), ретушер из отщепа, концевой скребок из отщепа, ретушный резец из отщепа, резец двугранный (срединный)

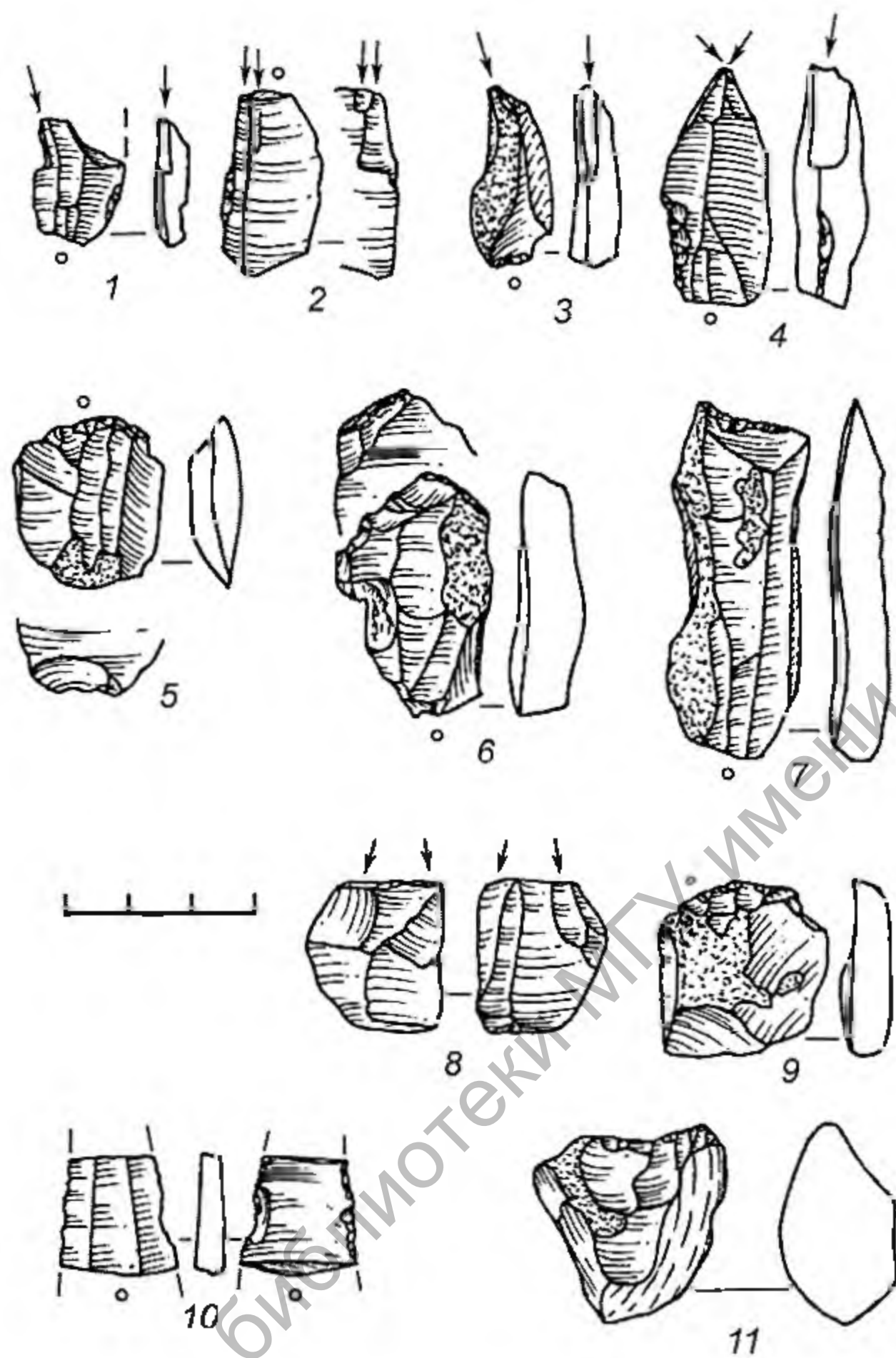

Рис. 4. Коллекционные сборы С. Н. Замятнина у д. Бердыж (1927 г.): 1–7 – «Бердыж, близ села»; 8–11 – «Бердыж, урочище Колодежки (над стоянкой)» (фонды МАЭ РАН, № 5205)

из отщепа, изделие с выемкой из отщепа, пластина с ретушью на конце. Отдельные артефакты сохраняют патину белого цвета и окатаны.

Заключение. Таким образом, поиск и изучение новых материалов по стоянкам Бердыж и Юровичи, а это дневники, чертежи, фотографии, археологические и палеонтологические коллекции и т. д., позволяют во многом дополнить неизвестные ранее страницы в изучении памятников позднего палеолита Беларуси и белорусско-российского порубежья в частности.

Во-первых, благодаря взаимному сотрудничеству с российскими коллегами изучение литературных и архивных материалов, каменного (кремневого) и костяного инвентаря трех опорных позднепалеолитических памятников белорусско-российского порубежья – Бердыж, Юровичи и Елисеевичи – дало возможность участникам проекта ввести в научный оборот новые материалы по позднему палеолиту Верхнего Поднепровья.

Во-вторых, реализация современного комплексного подхода к изучению материалов позднепалеолитических стоянок позволила определить место Бердыж и Юровичи в структуре среднеднепровской этнокультурной общности.

В-третьих, уточнение и корреляция абсолютного и относительного возраста памятников белорусско-российского порубежья дали возможность детализировать хронологические рамки позднего палеолита междуречья Днепра и Десны.

В-четвертых, полноценное изучение материалов стоянок Бердыж и Юровичи, осуществить которое оказалось возможным при условии объединения усилий белорусской и российской групп исследователей, позволило устранить существующий пробел в культурной атрибуции поселений, характера их пространственной организации.

В-пятых, с открытием значительного числа архивных данных стала очевидной необходимость изучения и введения в научный оборот новых источников для изучения археологии белорусско-российского порубежья. Они представляют собой многочисленные полевые материалы о работах К. М. Поликарповича в регионе в 1920–1950-е годы, которые до настоящего времени считались утраченными. Это определяет новый вектор исследований, запланированных в рамках очередного проекта БРФФИ–РГНФ «Неизвестное научное наследие К. М. Поликарповича – новый источник по изучению археологии белорусско-российского порубежья».

Основное внимание нами будет уделено подготовке полного обзора археологических исследований К. М. Поликарповича на территории белорусско-российского порубежья, всестороннему изучению материалов, связанных с раскопками Бердыжской, Юровичской и Юдиновской стоянок – важнейших эталонных памятников позднего палеолита Восточной Европы.

Работа выполнена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант Г15Р-009).

Литература

1. Калечиц Е. Г. Первоначальное заселение территории Белоруссии. Минск, 1984. – 157 с.
2. Чубур А. А. Очарованный древностью. Константин Михайлович Поликарпович: Жизнь, открытия, ученики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archeologia.ru/Library/Book/d37bd7991a71>. – Дата доступа: 19.12.2016.
3. Чубур А. А. Константин Михайлович Поликарпович: Жизнь, открытия, ученики. Минск, 2009. – 216 с.
4. Будько В. Д. // Белорусские древности. Минск, 1967. С. 6–47.
5. Исаенко В. Ф. // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1999. № 14. С. 166–170.
6. Арсланов Х. А., Вознячук Л. Н., Калечиц Е. Г., Колесников В. С. // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 1972. Т. 39. С. 162–165.
7. Калечиц Е. Г. // Na pograniczu światów. Studia z pradziejów międzymorza bałtycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Koško w 60 rocznicę upodzin. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2008. S. 203–216.
8. Величkevич Ф. Ю. Плейстоценовые флоры ледниковых областей Восточно-Европейской равнины. Минск, 1982. – 230 с.

9. *Махнач Н. А.* Этапы развития растительности Белоруссии в антропогене. Минск, 1971. С. 209.
10. *Залізняк Л. Л.* // Археологія. 2008. № 3. С. 5–10.
11. *Громов В. И.* // Природа. 1928. № 3. С. 297–298.
12. *Громаў В. І.* // Працы археалегічнай камісіі. Менск. 1930. Т. 2. С. 7–31.
13. *Щеглова В. В.* // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 1961. № 26. С. 146–149.
14. *Поликарпович К. М.* Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968. – 202 с.
15. *Вознячук Л. Н., Будько В. Д., Калечиц Е. Г.* // Древности Белоруссии. Минск, 1969. С. 28–42.
16. *Горецкий Г. И.* Аллювиальная летопись Великого Пра-Днепра. Москва: Наука, 1970. – 491 с.
17. *Цапенко М. М.* // Изв. АН БССР. Сер. геол. 1947. № 2. С. 100–104.
18. *Цапенко М. М., Будько В. Д., Вознячук Л. Н.* // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. Москва, 1961. Т. 17. С. 72–74.
19. *Пазинич В. Г.* Геоморфологічний літопис Великого Дніпра. Київ, 2007. – 372 с.
20. *Яковлев С. А.* // Труды Всесоюзн. науч.-исслед. геол. ин-та. Новая серия. Москва, 1956. Т. 17. С. 3–111.
21. *Пазинич В. Г.* Топ-5 геоморфологічних та палеогеографічних проблем України. Київ, 2012. – 114 с.
22. *Зерницкая В. П.* // Прикладная лимнология. Минск, 2000. Вып. 2. С. 28–38.
23. *Калечиц Е. Г., Мотузко А. Н., Обуховский В. С.* // Человек, адаптация, культура. Москва, 2008. С. 25–39.
24. *Лаврушин Ю. А., Бессуднов А. Н., Стиридонова Е. А.* и др. Палеозоологические катастрофы в позднем палеолите Центра Восточной Европы (основы седиментолого-палеозоологической концепции возникновения кладбищ мамонтов). Москва, 2015. – 88 с.
25. *Палікарповіч К. М.* // Працы катэдры археалегіі. Менск, 1928. Т. I. С. 123–252.

E. G. KALECHITS, A. V. KOLOSOV

LAST-PALEOLITHIC ARCHEOLOGICAL PLACES OF BELARUS (BERDYZH AND YUROVICHY): RESULTS AND PROSPECTS OF RESEARCH

Summary

A comprehensive study of the late Paleolithic sites Berdyzh and Yurovichi collection and archival materials makes it possible to find conceptual grounds for the historical place of these monuments in the late Paleolithic age of Eastern Europe, as well as to establish regional features of the sites within the Middle Dnieper ethno-cultural community of mammoth hunters. Basing on the analysis of geological, geomorphologic, glaciological, palaeogeographic data of the sites Berdyzh and Yurovichi and their correlation with the results of archaeological research, the topography of monuments is reviewed, the face of palaeolandscapes is reconstructed, and their role in the strategy of human's settling in the Upper Dnieper region is determined. The study of palaeogeographic and archaeological materials of the sites Berdyzh and Yurovichi made it possible to characterize the human habitat, to establish the degree of its influence on the material culture of the late Paleolithic population, and to detail the functional status and the chronological scope of the monuments. The obtained results are the basis for the development of such issues as genesis, chronology and cultural content of the local variants of Gravettian and Epigravettian cultures of the late Paleolithic in the Upper Dnieper region.